

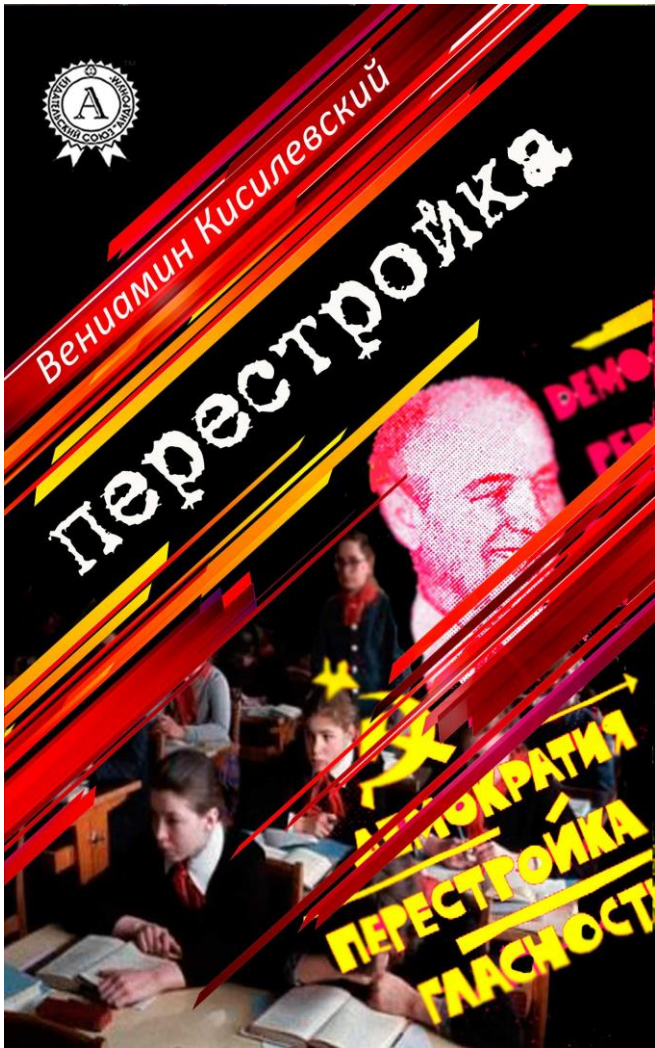
Вениамин Кисилевский

Перестройка

ДЕМО
РЕФ

ДЕМОКРАТИЯ
ПЕРЕСТРОЙКА
ГЛАСНОСТЬ

В годы, о которых пойдет речь, слово «перестройка» было на слуху у всех. Перестройку в своей школе задумал устроить и Владик Паршин. Но более неподходящего человека для такого нелегкого дела вряд ли можно было отыскать. Маленький, застенчивый мечтатель, всего лишь семиклассник, к тому же, сильно заикавшийся... Он скорее мог бы лишь загубить саму идею изменить что-либо в закосневшей в своих многолетних традициях и нравах советской школе. Учитывая тем более, какие несравнимо опытные, умелые, заматеревшие были у него противники. И не только директор школы, учителя — большинство одноклассников тоже. Он был первым, а первым всегда трудно, порой вовсе безнадежно...

Вениамин Кисилевский

ПЕРЕСТРОЙКА

От автора

Когда появилась у меня возможность издать новую книгу, стал я думать, какую из рукописей опубликовать. Скопилось их у меня за эти годы довольно много, выбор сделать было непросто. Все-таки решил, что печатать книгу буду детскую, хотя пишу в основном для взрослых. Верней, не совсем детскую, а для подростков. И по той причине, что творений для этого возраста на книжных прилавках почти не встретишь, и по причине еще более грустной: число юных читателей (а мне нередко приходится встречаться с ними, заявляю не голословно) с каждым годом зримо уменьшается.

Повесть «Перестройка» написана давненько. Тогда по ряду обстоятельств опубликовать ее не удалось, а сейчас опасался, что не во всем понятна будет она современным ребятам. Многие ли из них представляют себе, какой почти двадцать лет назад была школа? Вообще всё, чего ни коснись. И по меньшей мере наивным может показаться нынешним тинэйджерам, как общались, думали, говорили эти их книжные ровесники, чему

радовались, отчего печалились. Но именно поэтому и сделал я этот свой выбор. Должны ведь они знать, чем и как жила в те, не столь уж, кстати, отдаленные, годы наша страна. Ну а все остальное — на суд читателей.

Глава 1

Кузя тронул усатой щекой Владиково плечо, поерзал немного, устраиваясь поудобней, обернулся хвостом и закрыл глаза. Владика всегда поражало кошачье умение погружаться в сон чуть ли не мгновенно. Даже завидовал порой — сам-то засыпал медленно, трудно. Тот же Кузя мешал: в одном положении долго не пролежишь, а перевернешься на другой бок — потревожишь его, убежать может. И плохо, неуютно тогда без Кузи, без его доброго, уютного тепла. Но не в том только дело, что в одиночестве хуже засыпается. Убежит Кузя — поговорить не с кем будет. А он, Владик, привык уже вечерами, когда затихают и квартира, и дом, и двор, и нет, кажется, вообще на земле никого, кроме них двоих, беседовать с верным другом Кузей. Возможно, слово «беседовать» здесь не самое удачное, беседа — это когда говорят двое, но Кузе ведь и говорить ничего не надо, достаточно того, что слушает. А слушает он хорошо, даже когда дремлет — у котов сон чуткий. И все

понимает. Все-все. Можете сколько угодно посмеиваться и доказывать обратное, тут его, Владика, все равно не переубедить. Да и не хочет он, чтобы его переубеждали...

Самое необъяснимое, что, разговаривая с Кузей, Владик не заикается. Ну, почти не заикается. Может быть, оттого, что говорит шепотом и не старается не заикаться, просто не обращает внимания? Логопед в поликлинике, куда мама водила его лечить это проклятое заикание, тоже уговаривала Владика «не концентрировать» внимание на том, как он произносит слова, расслабиться, «владеть дыханием», но что-то не очень у него получалось. Особенно в школе, когда вызовут к доске. Да и не нравилась Владиду эта логопедица — вертлявая, тонкоголосая, с ярко накрашенными губами и ногтями. Казалось, надоедает он своими приходами, отрывает от другого, нужного ей дела. А еще недовольна она чем-то все время была, вздыхала, словно Владик нарочно заикается, чтобы ей досадить. Короче, походил он в поликлинику три недели и бросил. Пустое занятие...

— А знаешь, Кузя, — привычным шепотом, чтобы не слышали папа с мамой в соседней комнате, сказал Владик, — я сегодня опять того старичка магазинного встретил, возле школы. Он меня тоже узнал, разулыбался. Спросил, как дела, а

я ему отвечаю, что хорошо. «Поёшь»? — спрашивает. — «Пою», — говорю. Он меня похвалил, молодцом назвал. И знаешь, я с ним, когда разговаривал, совсем не заикался, вот как с тобой сейчас. Интересно, правда?

Даже не скажешь сразу, грустной или смешной назвать первую встречу с этим старичком. Он похож был на профессора, верней, на того, каким обычно изображают профессора в старых фильмах: в больших очках, с бородкой клинышком. Владик стоял в очереди за молоком, старичок подошел, спросил у него:

— М-мальчик, ты п-последний?

Обычно Владик заикался на согласных звуках, больше всего на трудноодолимом «п», но тогда вдруг заклинило его на почти безвредном гласном:

— Й-й-й-я, — ответил Владик, судорожно тряся подбородком. «Профессор» чуть сузил глаза, пристально поглядел на него, но ничего не сказал, только головой осуждающе покачал. Владик почувствовал, как раскаляются щеки, подсадовал на себя. Сколько раз зарекался, что там, где можно обойтись без слов, нужно промолчать. Кивнул бы просто в ответ — и делу конец. Скверно получилось — дедушка мог подумать, будто насмеяется Владик над ним. Тут уж отмолчаться было невозможно, и Владик, виновато хлопая ресницами, проямлил:

— В-вы т-только н-не... Я-а, я с-сам...

От волнения и смущения заикался еще сильнее. В очереди на них стали оглядываться, улыбались. Старичок ласково положил ему руку на плечо, дружески качнул, ничего, мол, все в порядке.

Из магазина они вышли вместе. То ли им по дороге оказалось, то ли «профессор» захотел немного проводить его, разговорились. Старичок рассказал, что раньше, особенно в детстве, заикался страшно, слова не мог сказать. У разных врачей лечился, в Москву даже ездил, но без пользы.

— А знаешь, чем выправился? — весело блеснул стеклами очков. — Песнями. Ты ведь, когда поешь, не заикаешься? Вот и я тоже. Беру, понимаешь, книжку подходящую и начинаю петь ее. Прямо по тексту. Часа полтора-два каждый день. По улице иду — про себя напеваю. Только не мелодию одну, а обязательно со словами. До сих пор от этой привычки не могу избавиться. Здорово, скажу тебе, помогло. Это я сейчас в магазине вдруг подкачал, некоторые даже не знают, что я заикаюсь. Да ты и сам сейчас видишь. Ну, конечно, опыт приобрел, дыханием управлять научился.

— Думаете, мне тоже помогло бы? — обнадежился Владик.

— Не думаю, уверен. Тебе и книжки подыскивать ни к чему, уроки-то учить надо. Вот и учи их вслух да нараспев, двойная польза

получится.

Владик бережно провел ладонью по мягкой Кузиной шерстке, огорченно вздохнул:

— Я бы с ним еще поговорил, но тут Сыч вмешался. Что за человек! Ну видит же, я разговариваю, с пожилым человеком, так нет, обязательно ему нужно воткнуться!

Вспомнил сегодняшнюю встречу с Сычем, сморщился, точно яблоко кислое раскусил.

Тимоху Сычева Владик не любил. Вот уж дал бог фамилию — не в бровь, что называется, а в глаз. Не бог, конечно, отец дал, но тем не менее. Тимоху, если бы даже у него другая фамилия была, все равно, наверное, Сычем прозвали бы. Очень похож — голова большая, ушастая, глаза круглые, выпуклые, немигающие, рот тонкогубый. А еще недобрый он, Тимоха. И чего злится он, чего дергается, непонятно. Одна ухмылочка чего стоит — презрительная такая, брезгливая. Зато силушкой верзилу Сыча опять же бог или кто уж там не обделил. Самбо занимается, разряд имеет. Любит он «приемчики» показывать. Подойдет к кому-нибудь на перемене:

«Хочешь, приемчик покажу»? И обязательно, когда вокруг зрители, в основном девчонки. К Владиду у Сыча особая «любовь», приемчики чаще всего ему достаются. Так на пол шмякнет — еле потом на ноги поднимешься. А все стоят, зубы

скалят, будто есть в этом что-то смешное. И Нина туда же...

Сыч приблизился, потянул Владика за рукав:
— Парша, ты мне нужен.

Старичок, словно не заметив Тимохиной бесцеремонности, вежливо раскланялся, пожал заполохавшему Владиду руку и ушел.

— Зачем тебе этот старый хрыч? — выдал фирменную улыбочку Сыч.

Владик не ответил, только зубы покрепче стиснул. Давно уяснил уже, что вступать с Сычем в какие-либо дискуссии, пытаться доказать ему что-то — занятие бесполезное. Если сам не понимает человек, не хочет понимать... Лучше всего — отделаться от него поскорей, чтобы не видеть его нахальных круглых глаз, тонкогубой улыбочки.

Сыч, не оглядываясь, зашагал вразвалочку вверх по улице. Не сомневался, что Владик последует за ним. И тот, проклиная себя, покорно плелся чуть позади, как на поводке. Молча дошли до конца квартала, свернули за угол. Неподалеку, прислонившись плечом к стене, поджидал их Денис Полозов, Тимохин дружок.

— Ну? — спросил Сыч.

— Не выходил, — так же коротко ответил Денис.

Сыч неопределенно хмыкнул, дернул плечом

и пошел через дорогу на противоположную сторону. Денис вдруг заговорщицки подмигнул Владу и мотнул головой, чтобы не отставал. Конопатое лицо его сделалось веселым, даже каким-то игривым. Седьмой год учился Владик в одном классе с Полозовым и слишком хорошо его знал, чтобы присоединяться к полозовскому веселью. Тем более сейчас, когда с ними Сыч и они явно выслеживают кого-то. Наверняка ведь не для того, чтобы просто время скоротать, позабавиться.

Вслед за Тимохой они вошли в большой двор. В старой, где они жили, части города таких дворов немало. Пройдешь мимо по этой обыкновенной улице — не догадаешься, что, свернув под высокую каменную арку, окажешься во владениях совершенно неожиданных, о которых большинство горожан и не подозревает. Лепятся к толстым стенам неказистые приземистые домишки в два крохотных окошка, убогие и ветхие, какие-то пристройки, сараи, сараюшки. Сыч остановился посреди двора, огляделся. Потом, задрав голову к окнам третьего этажа красного кирпичного дома, пронзительно свистнул.

— Зря, — буркнул Денис. — Теперь вообще не выйдет, сдрейфит. Лучше было подкараулить. Ему же в школу все равно идти, никуда бы не делся.

— Не зря, — цыкнул слюной Сыч. — И так

никуда не денется. Пусть, дешевка, знает...

Договорить он не успел — из подъезда показался белобрысый пацанчик в синей школьной форме. Судя по тому, как оцепенел, завидев стоявшую перед ним троицу, ни в окно их не увидел, ни свиста не слышал, — спускался в это время по лестнице. Владик его вспомнил — тот учился в их школе, на два класса младше. Раньше, когда в одну смену ходили, встречал иногда в школьном дворе или коридоре. Приметный больно, волосы как солома и всегда рот до ушей. Несколько мгновений белобрысый ошарашено глядел на них, затем попятился, словно надумал вернуться домой. Но встретился взглядом с немигающими глазами Сыча, еще сильнее побледнел и обреченно сделал первый трудный шаг навстречу.

Сыч, как недавно с Владиком, молча повернулся и, поигрывая плечами, двинулся к выходу из двора. Теперь уже трое, шаг в шаг, следовали за ним. Достигнув арки, Сыч резко повернулся и тихо, едва размыкая губы, спросил:

— Принес?

Пятиклассник вытянул стебельковую шею, сглотнул, раскрыл рот, но только скорбно вздохнул.

— Принес? — громче повторил Сыч и набычился. Белобрысый заговорил, тоненько, торопливо, давясь словами. Владик видел, что он не просто испуган — трясется от страха. Сбивчиво,

путаясь и повторяясь, пацаненок жаловался, что негде взять ему столько денег, рассорился и с мамой, и с бабушкой, но обязательно достанет, только попозже, пусть Сыч еще немного подождет.

— Какое сегодня? — перебил его Тимоха.

— Чего? — не включился сразу белобрысый.

— Число, спрашиваю, сегодня какое? Месяц, год какой, знаешь?

— Двенадцатое октября, — пискнул тот. — Восемьдесят седьмой...

— Во-во. А срок тебе был до десятого. Память плохая? Так я ее тебе сейчас подлечу.

— Я принесу! — быстро выговорил белобрысый.

Владик, ростом предпоследний у себя в классе, о чем печалился не меньше, чем о заикании, почти на полголовы возвышался над ним, маленьким и тщедушным. Пацанчик еще больше втянул голову в плечи, но поймал вдруг сострадание во Владиковых глазах и, с искрой надежды, обратился теперь к нему:

— Я принесу, честное слово принесу!

— Конечно принесешь, — неожиданно ласково, миролюбиво сказал Сыч. — Не захочешь ведь без глаза остаться. Но договор дороже денег. Придется тебе небольшой авансик выдать, чтобы память лучше работала.

Владик понял, что белобрысого сейчас будут

бить. Собственно, для этого Сыч с подлипалой Денисом сюда и заявились. Непонятно только, зачем они взяли с собой его, Владика, вдвоем, что ли, не управились бы? И так жаль стало перепуганного пацанчика — аж сердце сжалось. И не помочь ничем... Белобрысый не хуже Владика представил себе, что последует за Сычевыми словами, шумно задышал и проямлил совсем уже смехотворное:

— Я в школу опаздываю, звонок уже, наверное, был...

— Никуда твоя школа не денется, — уже почти нежно пропел Тимоха, взял белобрысого за руку повыше локтя и едва заметно подмигнул Полозу. Денис тут же с готовностью ухватился за его другую руку, возбужденно покраснел. — Бей, Парша! — сказал Сыч Владика.

— К-кого? — глупо спросил Владик, хотя без труда сообразил, чего хочет от него Тимоха. Равно как и то, зачем привел его сюда. Одного только не мог понять: почему роль «палача» отвели именно ему.

— Не меня же, — осклабился Тимоха. — Давай, не бойсь, у нас не вырвется.

Пацанчик затравленно смотрел на Владика, светлые глаза до краев наполнялись слезами.

— П-почему я? — похолодел Владик. И тут же непреклонно мотнул головой. — Я н-не стану! И

во-вообще... — Круто повернулся, но успел сделать не больше двух шагов.

— Стоять! — пригвоздил его к земле резкий оклик Сыча, Владик оглянулся. Тимоха одним прыжком поравнялся, сжал в кулаке воротник его куртки. — Слушай, ты, во-вообще! Со мной такие номера не проходят! Делай, что велено, а то... Ты ж меня, Парша, знаешь!

Владик молча рванулся, но Сыч держал крепко.

— Значит, не-не бу-будешь? — криво усмехнулся Тимоха. — Не пожалеешь потом? — Ничего в ответ не услышал, и вдруг его темные, на выкате глаза недобро сузились. — Ах ты ж!..

Сыч рывком подтащил Владика к пацаненку, поставил их лицом к лицу, приказал тому:

— Власть переменялась. Врежь тогда ты ему пару разочков, чтобы поумнел.

Белобрысый отчаянно заморгал, и от этого движения переполнившие глаза слезы потекли по щекам.

— Ну?! — выпалил Сыч. — Сейчас не только аванс, все сполна получишь! — И замахнулся.

Голова пацаненка дернулась назад, будто удар уже пришелся по его лицу. Медленно занес ватную руку и вяло ткнул Владика в подбородок.

— Кто ж так бьё-от? — хекнул Тимоха. — Слизняки вонючие! Показать? — И брезгливо

мазнул ладонью по носу пацаненка.

Из левой ноздри часто, капля за каплей, закапала кровь. Белобрысый провел дрогнувшей рукой по лицу, какое-то время заморожено смотрел на испачканные кровью пальцы. Влажно всхлипнул и хлопнул Владика по щеке. Сыч, по-прежнему не выпускавший воротник Владиковой куртки, коротко, отрывисто засмеялся.

— Чего стоишь, Парша? Самолюбия, что ли, нет? Такая мелюзга тебя колотит, а ты терпишь?

Владик думал только об одном: не расплакаться, не разреветься перед ненавистным Сычем, перед заржавшим Денисом. Но почувствовал, что не удастся. Предательски запершило в горле, кончик носа остро заклевали сотни крохотных невидимых иголочек. Рванулся еще раз, изо всех сил, затрещала рвущаяся ткань...

Он бежал по улице, размазывая судорожно сжатым кулаком едкие, горячие слезы, больно тыкался в колено новенький «дипломат» подаренный родителями к началу учебного года. Мог бы, конечно, заскочить в любую подворотню, отплакаться там, вытереть зареванные глаза и мокрое лицо, но не в состоянии был остановиться, хоть на секунду прервать спасительный бег. Будто, если остановится он, все недавно минувшее с утроенной силой навалится на него, будто таилось в этом безостановочном движении какое-то странное,

непонятное облегчение...

Вечером, когда заканчивал в одиночестве ужин на кухне, услышал голоса из комнаты. Разговаривали они тихо, но Владик разобрал почти все слова. Мама зашивала воротник его куртки, отец расхаживал от окна к двери.

— Неужели подрался? — удовлетворенно басил отец. Владик представил, как он любовно приглаживает густые усы, что делал всегда, если бывал чем-то доволен. — Ну, слава богу! А то уж такой тюха у нас растет... Парню четырнадцать скоро. Не в нашу, не в паршинскую породу пошел Владька.

— Вот и хорошо, что не в вашу, — отвечала мама. Следующую фразу произнесла невнятно, наверное, откусывала нитку. — Достойный, интеллигентный мальчик растет. Не в кулаках сила.

Владик сморщился, раздраженно двинул по столу тарелку...

— Не спишь, Кузя? Так он, значит, спрашивает меня: «Поёшь»? Пою, говорю. Похвалил, молодцом меня назвал. Тут Сыч подвалил. Нужен я вдруг оказался. Я ему: Не видишь, что ли, нахалюга, с человеком я разговариваю? Кто тебя только воспитывал? Скис наш Тимоха сразу, отошел в сторонку. Я старичка проводил немного, оглянулся: Сыч сзади плетется. Чего тебе? — спрашиваю. Сыч говорит: «Дело есть

непростое. Мне тут, недалеко, с одним пацаном разобраться нужно. Может, подсобишь?» Ну, время у меня было, отчего ж, думаю, не помочь, хоть и гад он, этот Сыч. Пошли мы с ним, еще Денис увязался за нами. Заворачиваем во двор, выходит, значит, тот самый пацан...

Владик представлял все ярко и отчетливо, до мельчайших подробностей. Белобрысый выходит, видит их троих, пугается. Владик уверенно кивает ему, чтобы тот не беспокоился, слушает, как Сыч требует у пацаненка какие-то деньги. Тот оправдывается, что нет у него, обещает отдать позже. Сыч наглеет, замахивается на пацаненка. Белобрысый боязливо втягивает голову в плечи, на глаза наворачиваются слезы. Дальше Владик терпеть такое безобразие не может.

— Иди в школу, — говорит он пацаненку. — Не бойся, ничего они тебе не сделают.

Сыч до того разозлился, что забыл даже, с кем дело имеет. Наступает на Владика, тарачит свои рачьи глаза.

— Много на себя берешь, Парша?

— Не Парша, а Паршин, Владислав Паршин, — спокойно возражает ему Владик. — И впредь прощу не забывать. Еще раз скажешь это поганое слово — уши надеру. И попробуй только пальцем малого тронуть. Чтоб потом не обижался, понял?

Белобрысый смотрит на Владика с признательностью и восхищением. Полоз от бессильной злости зубами скрипит. И тут Сыч вконец забывается. Размахивается — и целит кулаком Владика в лицо. Только не на того напал. У Владика реакция — не этому самбисту зачуханному чета. Р-раз! — и он, Владик, каратистским приемом отбивает несущуюся к нему руку. Два! — принимает красивую, мужественную стойку. Неуловимое движение — и Сыч грохается на землю, как полупустой мешок с гнилой картошкой. Мы тоже кое-какие приемчики знаем!

Пацаненок с обожанием смотрит на Владика.

— Иди-иди, в школу опоздаешь, — снисходительно улыбается Владик. — Изредка наглецов необходимо ставить на место, чтобы не зарывались. Заодно и другим не повадно будет.

Денис Полоз явно принимает эти слова на свой счет, трусливо смотрит на Владика. То-то, прихвостень Тимохин, подлипала несчастный! О такого даже руки противно марать. Дал ему Владик пинка под зад, тот заныл сразу, губами зашлепал:

— Ты чо, ты чо, чего я такого сделал?

Вообще-то он, Владик, против мордобоя и, может быть, права мама: не в кулаках сила. Но не стоять же, когда какой-то гнусный Сыч руками на тебя машет. И, опять же, проучить иногда подлеца не помешает. А уж в том, что Сыч подлец, да и

Денис недалеко от него ушел, можно не сомневаться. Любого в классе спроси.

Наверное, плечо у Владика дернулось, потому что Кузя зашевелился, приоткрыл глаза.

— Это еще не всё, Кузя! — радостно зашептал Владик. — Он, самбист великий, с земли вскочил, снова хотел на меня рыпнуться, но я ему так наподдал, что всякую охоту отбил. Раз ему! Раз! Я ему не пацаненок из пятого класса, над которым изгаляться можно!

Кот утробно муркнул и снова зажмурился.

Владик замолчал, сердце колотилось гулко и часто, сбивалось дыхание, словно в самом деле только что подрался. И плыло, плыло перед закрытыми уже глазами Тимохино лицо. Но не жалкое и плаксивое, которое придумал Владик, «расправляясь» с ним, а другое, настоящее, презрительное, с каким глядел Сыч в том злополучном дворе... Как хорошо, что завтра воскресенье, не надо идти в школу, встречаться с Тимохой, с Денисом...

Глава 2

Все-таки удивительно, до чего необъяснимо устроен человек. По утрам мама чуть ли не силой отрывала его от подушки. Досадовала, причитала, что на работу из-за него опаздывает. Вставать

ужасно не хотелось, даже просто держать глаза открытыми не хватало сил. С первого сентября этого года, как начал учиться в первую смену, каждое утро превращалось в маленькую пытку. И надо же — в воскресенье, единственный день, когда спать можно сколько угодно, он, Владик, всегда просыпался рано. Иногда удавалось снова заснуть, но очень редко. Владик посмотрел на часы — маленькая стрелка еле переползла через семерку. Кузи рядом не было, убежал, наверное, к маме на кухню, чтобы покормила. Перевернулся на другой бок, свернулся, как любил, калачиком, снова закрыл глаза. Полежал немного, подождал — сон не приходил. Зато пришло, и не в первый уже раз, другое...

Были мысли, которые он не доверял даже Кузе. И если случалось, рассказывая о какой-нибудь школьной истории, произносить ее имя, старался делать это ровным, обыденным голосом. Как поразились бы, да нет, не поразились, а, что еще хуже, посмеялась бы Нина Валеева, узнав, что он думает о ней. Смеет думать. Он, Владик Паршин — о ней!

Нина самая красивая девчонка в классе. А может быть, и в школе. Не зря же все ребята на нее заглядываются. Владик однажды видел, как разговаривает с ней, улыбочки отпускает да усики пощипывает сам Игорь Загоруйко из девятого «В»,

вратарь городской юношеской сборной. Вот был бы он, Владик, таким же, как этот Игорь, — высоким, плечистым, самоуверенным...

Вот он идет по улице — чуть враскачку, спортивной, вальяжной походочкой. Его узнают, ловит он восхищенные взгляды встречных пацанов и девчонок.

— Привет, Владик! — здороваются о нем даже, кажется, незнакомые.

— Салют! — привычно вскидывает он сильную, широкую ладонь. Спортивная сумка, адидасовская, небрежно перекинута через мускулистое плечо.

— Здравствуй, Владик.

Знакомый голос. Она, Нина. Прижалась спиной к стене, лицо полыхает, глаза блестят, синие-синие.

— А я в магазин шла, случайно тебя увидела. — Совсем заалела.

Ой, Нинка, Нинка... Совершенно ты врать не умеешь! За километр видно. И ни в какой магазин ты не шла, стояла тут, поджидала. Ладно, подыграем ей, а то вконец засмушалась девчонка.

— Здорово, Нинок. Да здравствует Его Величество Случай.

— Погода сегодня хорошая... — беспомощно лепечет Нина. Глаза у нее говорящими сделались: «Ну же, ну, скажи тоже, что да, погода отличная,

что в такой погожий денек не плохо бы погулять!»

Владик смотрит на часы с изящным браслетом, красивые, японские, задумчиво потирает высокий мыслительный лоб:

— Вообще-то, я на тренировку иду, но времени свободного немного есть. Можно через парк пройти, воздухом подышать.

Господи, до чего же ей хочется прогуляться с ним по осеннему парку, вдвоем. Но откровенно навязываться остатки гордости не позволяют. Надо ее выручать.

— Проводишь немного меня, если магазин твой не горит?

Молодец Нина. Не воскликнула радостно, не засмеялась счастливо, только вздохнула облегченно и улыбнулась ему. Хорошо-хорошо улыбнулась.

Пушкин, известно, любил осень, такие стихи ей посвящал. Владик, конечно, не Пушкин, но тоже любит осень. Верней, не любит, а как-то очень близка она ему, особенно когда не дождливая, тихая, как сейчас, грустная. И печаль ее светла. Печаль светла... Лучше Пушкина не скажешь...

Они, плечо к плечу, бредут — лучше бредут, чем идут, красивей — по безлюдному осеннему парку. На первый взгляд все вокруг зеленое, но только на первый. Пробивается уже красинка на резных кленовых листьях, чуть отсвечивают теплой желтизной тонкие березы. И мягко, вкрадчиво

шуршат под ногами первые, самые слабые или самые нетерпеливые, павшие листья. Некоторые почему-то совсем зеленые, не тронутые радужными красками осени. Владик пружинисто наклоняется, поднимает особенно красивый, опаленный по краям кленовый листок, церемонно вручает притихшей Нине. Говорит, нисколько не заикаясь:

— Это вам, сударыня.

Нина лукаво улыбается, принимает величественный вид светской дамы, вычурно приседает, отводя руки, — реверанс называется.

— Спасибо, мой великодушный рыцарь! — Прижимает листик к сердцу, томно вздыхает.

И ничего будто бы такого уж смешного не произошло, подурачились немного, но оба смеются так безудержно, так заразительно — слезы на глазах выступили. Сразу делается легко и просто, они шагают, взявшись за руки, по разноцветной парковой аллее, болтают о всякой ерунде, говорят, говорят, наговориться не могут. Нина поворачивает к нему светлое лицо, улыбается своими неправдоподобно синими глазами и негромко произносит...

— Проснулся, Владик?

Мама... Так замечтался, что даже не расслышал, как она вошла в комнату. У мамы удивительная интуиция. Как она догадалась, что он не спит, если лежит, отвернувшись к стенке, еще и с

закрытыми глазами? Главное, на самом интересном месте... Можно, конечно, сделать вид, будто все-таки спит, не слышит, но нет смысла... Все равно не вернуться ему теперь с Ниной в пустынный осенний парк, не узнать, что хотела она сказать...

— Не спишь ведь, я же вижу, не притворяйся! — Владик почувствовал в ее голосе улыбку.

— Сплю, — буркнул он, не поворачиваясь.

— Вставай, сынок, на базар сходишь, — тронула его за плечо мама. — Я, пока есть горячая вода, стирку затеяла.

На базар... Хуже не придумаешь. Маяться в базарной толчее, протискиваться в шумные, крикливые ряды, выискивать, озираться, заикаться... Не велика, казалось бы, разница между магазином и базаром — те же ненавистные очереди и те же люди, — но Владик лучше десять раз в магазин сходил бы, чем один раз на базар. И сопротивляться бесполезно — у мамы в самом деле стирка, а папа... В общем, папа на базар не пойдет. Единственное, что Владик мог себе позволить, — потянуть немного время. Притерпеться, свыкнуться с мыслью, что все равно никуда от этого рынка не деться, но только не тут же, не вдруг. Повернулся, просительно посмотрел на маму:

— Ма, посиди со мной.

Раньше мама с ним часто «сидела». И вечером, перед сном, и утром, если удавалось. А уж по воскресеньям, когда никуда спешить не надо, обязательно. Присаживалась на край диванчика, сначала растрепывала, а потом приглаживала его волосы, всегда находилось о чем потолковать, посудачить, похихикать. Тихо, сокровенно, когда больше значат не слова, а взгляды, улыбки, прикосновения. Даже молчание. Потом — сразу и не скажешь почему — посиделки их стали редкими, от случая к случаю, а в последнее время вообще считанными. Он ли, Владик, тому виной, мама ли — но тем не менее.

— В другой раз, сынок, — вздохнула мама. — Сейчас некогда. Мне вас кормить нечем, в доме ни одной картошины. Ой, у меня ж там вода льется! Давай, давай, Владик! — И выбежала из комнаты.

Оставшись один, Владик с минуту лежал еще, уставившись в пустой белый потолок немигающими глазами, затем медленно спустил ноги на пол. Не впервые, но сегодня больше обычного подсадовал, что мама не была с ним, не приласкала, не понежила.

На память он не жаловался. Можно даже сказать, хорошая у него память. Стихотворение два-три раза прочтет — и запомнил, номера телефонов не забывались. Но для базаров-магазинов, наверное, какая-то особая

память нужна: обязательно что-нибудь из намеченного мамой не купит. Так уже не один раз бывало. Поэтому мама писала ему на бумажке, что он должен принести. С одной стороны, удобно, но с другой — заметит кто-нибудь из класса, например, как он шпаргалку вычитывает, посмеется над ним. Семиклассник...

Список на этот раз был коротким. На базаре — только картошку, капусту и зелень. Но еще молоко и хлеб, а это в двух разных отделах. Придется в магазин с полной авоськой тащиться. А если сначала в магазин сходить — потом с бутылками на базар... Извечная, в общем, проблема.

Сначала ему везло. Быстро подошел троллейбус, картошки продавалось много, безо всякой очереди — выбирай любую. Тут же, неподалеку, на малолюдной рыночной окраине, приобрел остальное. Не очень-то хорошее, зато не нужно толкаться. А на обратном пути успел с раздувшейся уже сеткой вскочить в трогавшийся с места троллейбус. Не доехал одну остановку до дома, пошел в продуктовый. С хлебом проблем не было, но в молочный выстроилась, человек в пятнадцать, очередь. Благо еще, пустыми бутылками мама в этот раз не нагрузила. Владик вздохнул, переложил тяжеленную авоську из одной руки в другую, двинулся к молочной секции и...

встретился взглядом с Ниной.

Не высокий и не плечистый, не с фасонистой спортивной сумкой через плечо, а с грязной картошкой в пузатой сетке, увенчанной растрепанным капустным кочаном, с хлебной буханкой под мышкой... Ну чего здесь, вроде бы, такого? Совершенно естественно, что он и на базар ходит, и по магазинам, как все другие ребята, как та же, например, Нина Валеева. Но смутился вдруг так — вспотел даже.

Нина выглядывала из середины очереди, незаметно махала ему рукой. И когда он, стараясь не креститься под тяжестью авоськи, приблизился, сказала стоящей за ней женщине:

— Этот мальчик занимал за мной.

Женщина с неудовольствием оглядела Владика, но промолчала.

Как, однако, непредсказуема и хитра судьба, как непостижимо и затейливо переплетаются ее тонкие нити, образуя коварные узелки в самых неожиданных местах. Не пошли его мама с утра пораньше за покупками — не оказался бы сейчас, именно сейчас, в этом магазине. Не успеет он вскочить в последнюю секунду на подножку троллейбуса на базарной остановке, дождись другого, Нина могла уйти, не встретились бы. Да здоровствует постылая очередь в молочный отдел. Ни в школе, ни на улице он ни за что не рискнул бы

подойти к Нине, не заговорил. А уж о том, что она сама его позовет, только мечтать можно. Целых десять или даже больше минут он побудет рядом, совсем рядом с ней. В д в о е м побудет, очередь не в счет. Если бы еще не эта треклятая авоська, не узкая жесткая ляжка, впившаяся в ладонь! Но сменишь руку — уткнешься картошкой в Нину. Потому и не встал он ни впереди, ни позади нее, переминался с ноги на ногу сбоку.

Не давала покоя еще одна мысль. Он, Владик, и так сантиметров на пять меньше Нины, а вдавленный в землю злополучной сеткой еще ниже делается, как ни тянись, как ни задирай подбородок.

— Да поставь ты ее, чего корячишься? — кивнула на сетку Нина.

Он и сам об этом подумывал, но знал, что только хуже будет. Картофелины во главе с кочаном обязательно разлетятся по полу, станет потом на глазах у всех ползать, собирать их. К тому же, очередь не на одном месте стоит, движется.

— Она-а-а, — с гласной, с разбега, чтобы не заикнуться, начал Владик и быстро, удачно приставил: — Рассыплется!

— Не под ногами, вон туда отнеси, к стеночке пристрой, — показала Нина на свободный угол возле окна.

Вот уж действительно — такая элементарная мысль самому ему в голову не пришла!

Наконец-то вся картошечная нервотрепка закончилась, хлебную буханку он погрузил в другую выделенную мамой авоську, почувствовал себя более или менее сносно. С тележкой, высоко заставленной пустыми бутылками, появился магазинный подсобник, заросший неряшливой щетиной. Бесцеремонно покатил прямо на людей, хмуро прохрипел очереди как одному человеку:

— А ну сдай!

Люди безропотно задвигались, вытягиваясь в струнку, прилипая к прилавку, чтобы освободить проход. Владик — вовремя избавился от сетки! — втиснулся позади Нины, и когда она, заговорив, повернулась к нему, даже сердце заколотилось, как упругий хвост выброшенной на берег рыбы.

Но как ни был он взволнован, все равно заметил, что Нина выглядит как-то необычно. Улавливалось в лице ее, в разговоре, в повороте головы что-то новое, беспокойное. Всегда уверенная, величаво-снисходительная, сегодня она как-то поблекла, затуманилась. И вот такой, «приземленной», нравилась ему еще сильнее, и меньше робел он, не чувствовал всей безмерной глубины разделявшей их пропасти.

— Не знаешь, — спросила Нина, — в больницу со своим халатом приходиться надо, или там дают?

— 3-зачем в больницу? — не смог сразу

включиться Владик.

— Мама у меня там, — пожаловалась Нина. — Ночью «скорая» увезла. — Посмотрела в расширившиеся Владиковы глаза и добавила: — Желчный пузырь, сказали. Представляешь? Ты случайно не в курсе: это очень опасно? Оперировать будут?

Его познания в лечении желчного пузыря были нулевыми. Даже не представлял толком, где он там внутри находится. Виновато пожал плечами и сморщился, сетуя на себя, что не может оказаться ей полезным.

— А что приносить туда нужно при желчном пузыре, тоже не знаешь? — безо всякой уже надежды спросила Нина. — Ну, молоко ей куплю, творог... Сгодилось бы, наверное, еще фрукты какие-нибудь, хорошие, с базара...

— Э-э... фрукты при всех болезнях хорошо, — сумел хоть что-то путное изречь Владик. — А разве твой п... — И с ужасом понял, что «папа» ему не сказать, как бы ни старался, как ни тужился.

Но Нина сама догадалась:

— Звонила я отцу утром, никто трубку не берет. Уехали, видать, куда-то.

Фраза эта была настолько сложной для понимания, что в другое время он вряд ли сходу в ней разобрался бы, но сейчас, весь

наэлектризованный, мгновенно уяснил что к чему. Решающую роль сыграло явно не относившееся к ее отцу «уехали», сказанное во множественном числе. И что она ему з в о н и л а в воскресенье утром... Нинину маму Владик знал — маленькую, тоненькую, похожую на подростка женщину. Отца же, за все школьные годы, видел раз или два: рослого, скуластого, с темными насмешливыми глазами. Но о другой его семье — теперь в этом можно было не сомневаться — понятия не имел. Да и откуда ему, Владiku? Не в тех, увы, он с Ниной отношениях, чтобы стать посвященным. Почувствовал неожиданно острую, щемящую жалость, захотелось для нее сделать что-нибудь хорошее, нужное, теплое. Но что он мог? Выпалил единственное пришедшее в голову, ожесточенно стукнув ногой по полу, чтобы не застредали слова:

— Хочешь, я на базар с тобой? — Слово «поеду» на всякий случай опустил.

— Давай, — согласилась Нина.

Понимал Владик, прекрасно понимал, что не он ей сейчас нужен, а просто не хочет Нина остаться в одиночестве, даже ему рада, но сердце до краев наполнилось светлой, незамутненной радостью. И благодарностью к ней, Валеевой Нине, «приблизившей» его к себе.

— Т-так ты совсем дома одна осталась? — спросил Владик, когда вышли они из магазина.

— Нет, я с дедушкой, только у него ноги больные, он из квартиры не выходит.

Владик поудобней перехватил лямки авосек и деланно бодрым голосом произнес:

— Н-ну, на базар?

— Да куда ж тебе такому навьюченному? — засомневалась Нина. — Иди домой, разгрузись.

Идея была неплохая, но Владик с места не тронулся, тревожно уставился на сиятельную одноклассницу. И снова она выказала свою проницательность, впервые улыбнулась:

— Не бойся, подожду.

Что действительно подождет его, он поверил, но и домой, и обратно поспешал как мог. И все время гнал от себя — прогнать не мог ее снисходительную, «прежнюю» улыбку, это пренебрежительное «не бойся». Ненадолго же ее хватило, даже при маме в больнице... Уж не считает ли Нина, что он настолько... настолько он... Но тут же, чтобы вконец не расстроиться, заставил себя не додумывать эту тягостную мысль. Настроение испортилось. Вышел из подъезда, увидел стоявшую неподалеку Нину и снова должен был заставить себя — подойти к ней если не обычным, то во всяком случае не очень скорым шагом.

Сказали бы ему утром, что он сегодня не один раз поедет на рынок, да с кем еще — с Валеевой!..

В троллейбусе они почти не разговаривали. Когда Владик, «как положено мужчине», забирал у нее сумку с молочными бутылками, пальцы их на секунду-другую соприкоснулись. Оказались они у Нины на удивление холодными, словно в зимнюю стужу.

И уже на базаре еще дважды суждено было удивиться Владиду. Сначала тому, как отчаянно торговалась Нина, покупая мандарины. Обошла не меньше десятка торговцев-южан в знаменитых фуражках, уходила, снова возвращалась. Владик молча следовал за ней, пыхтел. Сам он ни за что на свете не попытался бы оспорить названную цену, и не только потому, что заикался. В худшем случае просто удалился бы, никто же не заставляет покупать. А еще поразило его, сколько денег оказалось в Нинином кошельке — нечаянно подсмотрел, когда она расплачивалась. Внушительная стопочка согнутых пополам червонцев. Родители ему такую сумму в жизни не доверили бы.

Больница неотложной помощи, куда увезли Нинину маму, находилась далеко. Опять ехали в троллейбусе, пересеживались на автобус, потом шли через парк. Нет, не тот, в котором Владик утром «прогуливался» с Ниной, другой. Так же, хоть и воскресенье, было в нем малоллюдно, вкрадчиво шуршали под ногами листья и крепко

уже проступала желтизна в зеленых кронах. Но осень в этом году выдалась теплая, сухая, совсем на октябрь не похожая. Надо же, всего лишь два часа назад, ну три, он размечтавшись на диванчике...

— Чего ты улыбаешься? — услышал Нинин голос.

— Я? — искренне удивился Владик. Не заметил даже, что на какое-то время отключился. Оказывается, улыбался. Смутился, опустил глаза и увидел в двух шагах от себя т о т с а м ы й кленовый лист — большой, аккуратно, симметрично вырезанный, с красными подпалинами. Листьев здесь, тех же кленовых, самых разных, нападало немало, но что это т о т с а м ы й, Владик не сомневался. Поднял его и, затаив дыхание, протянул Нине. Только молча, без «сударыни». И тут же, стремительно, загадал: если не выбросит она его дар, сохранит, то... то... в общем, все будет хорошо.

— Красивый... — тихо сказала Нина. — Покрутила листик в руках, понюхала зачем-то. — Осенью пахнет! — И не бросила, а, высоко подняв руку, отпустила его, медленно разжав пальцы. Лист упал не сразу — невесомо, вольно кружа, описал плавную окружность и неслышно лег на землю.

— Ты чего? — взглянула на Владика Нина. — Зубы разболелись?

— Н-нет, все н-нормально, — ответил он и

прокашлялся, чтобы убрать предательскую хрипотцу. Хмуро посмотрел на Нину, на упавший лист, подбежал к нему, поднял и бережно положил во внутренний карман куртки.

Нина чуть порозовела — или показалось Владику? — выгнула дугами брови и повторила:

— Ты чего? — Ничего в ответ не услышала, склонила голову к плечу: — Странный ты какой-то, Владька...

Больше, до самой больницы, не сказали друг другу ни слова. Больница неотложной помощи оказалась большой — несколько многоэтажных корпусов, неясного назначения приземистые строения, переходы. Подошли к ближайшему зданию, уставились на прямоугольную черную табличку.

— Урологическое отделение, — недоуменно выпятив нижнюю губу, прочитала Нина. Оглянулась на Владика: — Это что здесь?

В дверях появился долговязый парень в белом халате и колпаке.

— Вы не подскажете, где тут с желчным пузырем лежат? — шагнула к нему Нина.

Доктор, да нет, для доктора, пожалуй, слишком молод, ответил не сразу. Величественно глянул на нее, приосанился, осудительно покачал головой:

— С желчным пузырем везде лежат. И ходят

тоже. И сидят. Кому этот пузырь не вырезали, конечно. Ты в каком классе учишься?

— В седьмом, — опешила Нина.

— Ну вот, невеста уже, можно сказать, а в элементарных вещах не ориентируешься. Книжки небось не читаешь, не до них тебе с твоими глазками.

Владику он очень не понравился. Особенно, как разглядывал Нину. И про глазки... Взрослый ведь человек, неужели не стыдно? Выпалил, сам дивясь своей смелости:

— У в-вас тут в-все такие умные?

Впервые в жизни не пожалел, что заикается — хорошо это «в-в» получилось, как специально.

Парень сощурился, даже голову назад откинул, будто трудно ему Владика, такого махонького, разглядеть. Сложил уже губы в подобающую улыбку, но вышла пожилая, тоже в белом халате, в марлевой косынке на голове женщина, напустилась на него:

— Вовка, опять лясы точишь? Тебя куда послали?

«Доктор» вспыхнул, но промолчал, возмущенно мотнул подбородком и с достоинством удалился.

— А вам чего, ребяташки?

Они переглянулись, не решаясь повторить свой только что высмеянный вопрос.

— Ее маму, — начал Владик, — н-но...

— Ночью скорая помощь сюда увезла, — пришла ему на помощь Нина. — С... — помедлила немного, — с желчным пузырем.

— Скорая — это хуже, — протянула женщина. — В хирургии она, значит. — Показала пальцем: — Вон в тот корпус идите, там спросите.

Владик боялся смотреть на Нину. Страшное, острое как нож слово «хирургия» холодило кожу, не давало расслабиться. И не составляло труда догадаться, что еще оглушительней подействовало оно на его спутницу. Но, опять же, что мог он, Владик, сделать для нее, чем помочь?

Поднялись по лестнице на второй этаж, довольно долго ждали, пока появится кто-нибудь в белом халате.

— Валеева? — задержалась возле них молоденькая медсестра. — Пятнадцатая палата. В конце коридора направо. Только недолго.

Про халат она ничего не сказала. Нина взяла у Владика сумку и, несколько раз оглянувшись на него, пошла по коридору. По длинному широкому коридору, совсем вдруг маленькая, невидная, неприкаянная...

Не возвращалась она с полчаса. Владик стоял у двери, наблюдал за совершенно ему неведомой, таинственной, ни на что не похожей больничной жизнью. Вглядывался в лица больных — некоторые

из них, что буквально сразило его, смеялись, шутили, в лица сестер и врачей — тоже обычные, невыразительные. Словно не хирургическое отделение здесь, где операции, боль и кровь, а рядовая, обыкновенная работа...

— Что? — вытянул шею Владик, дождавшись, наконец, Нину.

— Не оперировали, — выдохнула та. — Наблюдают, лекарства всякие вводят. До завтра, сказали, подождут, завтра все решится.

— Больно ей?

— Больно, конечно, — пасмурно ответила Нина. — Укол сделают — полегчает, потом опять.

Но все-таки видно было: рада она, что пока обошлось без операций, можно на что-то надеяться. А главное, повидалась, поговорила, мандарины отдала. Спустились они в больничный двор — и тут произошло самое за сегодняшний день поразительное.

— Как хорошо, что встретились мы в магазине, — сказала Нина. — Сам бог тебя послал. Я бы одна... — Провела рукой по его плечу и улыбнулась: — Спасибо тебе, Владька.

Владик плохо понимал, за что благодарит его Нина, и вообще плохо соображал. Но чувствовать ее ладонь на своем плече было несказанно приятно, как и видеть так восхитительно близко от себя ее русалочьи глаза. Ощутил, как раскаляются у него

уши, смешался, отвел в сторону взгляд и... увидел Сыча.

Сыч наверняка поразился много больше. И без того круглые глаза его разошлись сверх всяких природой допустимых пределов. Что увидел их с Ниной вдвоем, здесь, еще куда ни шло, но глядящая рука ее на Владиковом плече... Лишь Нина не смутилась нисколько, спокойно поглядела на раззявившего рот Сыча и недрогнувшим голосом сказала:

— А тебя сюда каким ветром занесло?

Тимоха постепенно обрел дар речи.

— Я к матери пришел... Надо мне...

— У тебя здесь мама лежит? — быстро спросила Нина.

— Почему лежит? Работает она здесь. Операционной сестрой.

Вот это да! У Сыча, оказывается, мама — операционная сестра, Нина тихонько присвистнула, затем издала губами поцелуйный звук:

— Умничка, Тимоша! А ты мог бы познакомить меня со своей мамой?

Сыч неопределенно повел плечами, что, вероятно, должно было означать «отчего же не познакомить».

— Ты иди, — обернулась к Владиду Нина. — Я еще здесь задержусь.

Владик переступил с ноги на ногу, пробубнил,

глядя в землю, заикаясь больше обычного:

— Я могу и здесь побыть, мне торопиться некуда.

Она терпеливо дождалась, пока он домучает последнее слово, сказала:

— Иди-иди, не беспокойся, меня Тимофей проводит. Да, Тимоша?

И снова он брел через парк, теперь один, добрался до остановки, но в автобус садиться не стал, двинулся пешком. Не хотелось не то что видеть никого — даже находиться среди людей, Шел и шел, механически переставляя ноги, ни на что вокруг не обращая внимания. Утром он выпил лишь чаю с половинкой бублика, но есть тоже не хотелось. Полгорода остались позади, но усталости он не чувствовал, и пожалел, приблизившись к дому, что скоро прервется его одиночество. На углу его внимание почему-то привлек большой, ярко раскрашенный щит-плакат. Видел Владик этот щит и раньше, точнее, не видел, а знал о его существовании, отмечал, проходя мимо, краем глаза, но никогда не обращал на него внимания, как и на множество других, однообразных и примелькавшихся. Сейчас же остановился, долго разглядывал воодушевленные, с волевыми подбородками плакатные лица юноши и девушки под громадными четкими буквами «Что сделал ты для перестройки?» Девушка была чем-то похожа на

Нину — большеротая, светловолосая, светлоглазая. Он напряженно щурился в ее лицо и медленно, с трудом притаскивая одно слово к другому, сказал:

— Допустим, я все понимаю, и про больную маму, и про нужную сестру операционную, но... но нельзя же так...

Услышал рядом громкое сопение, скосил зрачки, столкнулся с прелюбопытным взглядом толстой женщины в клетчатом платке. Она, явно заинтригованная, покосилась на плакат, затем снова на Владика. Дожил, — мрачно усмехнулся он, — за сумасшедшего принимают...

— Где ты пропадал? — накинулась, едва вошел, мама. — Мы с отцом не знали уже что думать! Весь день не ел, носит тебя неизвестно где!

— Мама, что ты сделала для перестройки? — безучастно спросил Владик.

Она посмотрела на него точно так же, как та женщина в платке, неуверенно улыбнулась, но тут же спохватилась, нахмурилась:

— Ты что, нездоров? Что с тобой? Какой-то ты сегодня... Ну, чего молчишь? — Несколько секунд испытующе вглядывалась в него, потом вздохнула: — Ладно, мой руки и садись за стол. Два раза уже подогревала.

Сама мысль о еде Владика была неприятна, но отказаться не рискнул. Начнутся разговоры, допросы, а то еще, чего доброго, термометр под

мышку совать станут. Выгодней запихать в себя чего-нибудь, поскорей отделаться, чтобы закрыться наконец в комнате.

Для верности, отодвинув от себя тарелку, буркнул:

— Спать хочется, пойду подремлю немного. Потом за уроки сяду. — Взял Кузю и пошел из кухни.

Глава 3

Владик лежал, отвернувшись к стене, бездумно, привычно водил рукой по теплой Кузиной спине. Кот блаженно жмурился, тихо, утробно урчал. Кончики длинных Кузиных усов дружески щекотали Владикову шею — единственная радость, хоть что-то приятное. Вдруг Владиду захотелось, чтобы пришла мама. Так же сильно, как хотелось совсем недавно остаться одному. Незаметно выросла, окрепла, в ядовитые цвета раскрасилась колючая обида. Видела же мама, не могла не видеть, как он удручен, расстроен, почему же не попыталась даже выпросить его, разговорить, утешить? Только и хватило ее на сомнительное «какой-то ты сегодня». Будто нет ничего важнее, что он долго не ел. А папа, тот вообще не вышел, даже не виделись сегодня. Будто не нужен он им...

С родителями ему повезло. Именно этими словами выразился однажды Андрей, сосед с третьего этажа, прозванный во дворе Бамбуком, — рыжий, худощавый, длинношей. Сказал он их в прошлом году, в этой, Владиковой комнате.

Вообще-то, Андрей Владику не нравился. Равно как и остальным дворовым ребятам. Вечно всем недоволен, всегда брюзжит, а выражение лица такое, словно прокисшего молока выпил. Андрей тоже учится в седьмом, но водится в основном с малышней. Вздорный, заносчивый, но трусоватый, с ними он отводил душеньку, был там признанным верховодом и лидером без малейшей конкуренции. А главное, мог с ними не опасаться подковырок и насмешек, на которые горазды ровесники-пацаны, да и девчонки.

Заикание тому виной или что другое, но Владик тоже не мог похвастать обилием друзей, даже просто приятелей — сходился туго, «компанейским» быть не умел, больше отмалчивался. Раньше это удручало его, потом привык он, принимал как должное. Не как должное, конечно, а как нечто неизбежное, не от него, Владика, зависящее. Сам не хотел «навязываться», других — да и не было почти этих других — встречал настороженно, досадовал, что так получается, тяготился одиночеством, однако с Андреем знаться не желал. Особенно после одной,

давней уже истории.

Не мог Андрей не чувствовать Владиково к себе отношение, но изредка все же заходил к нему. В одно из таких посещений и сказал памятные слова о родителях. Прошлым летом ребятня во дворе прямо помешалась на арбалетах. Придумывали хитрые конструкции, щеголяли друг перед другом выдумкой, сноровкой. Пилили, строгали, сверлили. Андрей тогда раздобыл где-то отличную, прочную резину, принес показать Владiku. Расщедрился вдруг, или просто много было у него этой резины, согласился поделиться. У Владика нашлась подходящая заготовка, решили примерить, слово за слово, возникла идея тут же сработать новый самострел. Через несколько минут развернулась настоящая мастерская. Когда вошла вернувшаяся с работы мама, комната сделалась неузнаваемой. Стружки, опилки, разбросанные где и как попало, инструменты, грязь несусветная. Мама застыла на пороге, ошарашено глядя на открывшуюся ее взору неприглядную картину, осуждающе покачала головой:

— Ну, Владька! Неужели нельзя все это делать на улице? В лоджии, наконец.

— Я потом приберу, — не поворачивая головы, ответил Владик и сразу же переключился на оцепеневшего Андрея: — Держи, а то сейчас соскочит!

Мама постояла еще немного, скорбно вздохнула и ушла.

— Пронесло, кажется! — с шумом выпустил из себя воздух Андрей. — Ну, думал, сейчас нам устроят! Моя бы за такое...

— Ты держать сегодня будешь или нет? — не счел нужным комментировать мамины действия Владик.

Но Андрей положил на пол приклад, захлопал белесыми ресницами:

— Слушай, давай сворачиваться, сейчас небось и папаша твой нагрянет.

— Ну и что? — не понял Владик.

Андрей нерешительно пожевал губами, потом насмешливо хмыкнул:

— Скажешь, не поддают они тебе?

— Бьют, что ли? — не понял Владик.

— А то!

— Нет, конечно.

— Ни отец, ни мать? Никогда? — выпучил глаза Андрей.

— Сказал же.

Андрей недоверчиво, словно зная, что его разыгрывают, заулыбался:

— Так я и поверил! И не ругают, конечно, тоже? По головке гладят?

Владик вдруг сообразил, что это не простой, не случайный разговор, поглядел в рыжие

Андреевы зрачки:

— Почему же, ругают, бывает. А что?

Андрей перестал улыбаться, болезненно сморщился:

— Так, ничего. Повезло тебе с родителями...

Владик осторожно, чтобы не потревожить заснувшего Кузю, перевернулся на спину, закрыл глаза. «Повезло тебе с родителями»... Почему вспомнился тот разговор с Бамбуком? Из-за мамы? Повезло... В самом деле, он не припомнит, чтобы она или отец даже замахивались на него. И все-таки... Что все-таки? Запыхтел, насупился. Лезет же в голову всякая чушь... Да и не мог он, даже если захотел бы, самому себе сказать, плохо ли, хорошо ли складываются его отношения с родителями. Всё, вроде бы, нормально, без холмов и впадин. Всегда озабоченная, глотающая таблетки мама, ироничный, погруженный в свои мысли отец. Бесконечные телефонные звонки, ворохи газет, журналов, возмущения, сожаления, Горбачев, Сталин, Афганистан, перестройка... Перестройка... «Что ты сделал для перестройки?»... Девушка на плакате... «Иди-иди, меня Тимофей проводит»... Выпуклые Сычевы глаза... Заснуть бы, действительно, что ли... Счастливый Кузя, целый день способен дрыхнуть, «Иди-иди»... А на что ты, собственно, рассчитывал? Кому ты нужен? И вообще не валяться надо, а петь, каждый день

дорог. Старичок ведь сказал, два часа ежедневно. Завтра литература, лермонтовского купца Калашникова вызубрить надо... Еще бы подрасти немного, хоть на пять сантиметров...

Ох ты гой еси, царь
Иван Васильевич!
Про тебя нашу
песню сложили мы,
Про твою любимого
опричника
Да про смелого
купца про Калашникова,
Мы сложили ее на
старинный лад,
Мы певали ее под
гуслирный звон...

Владик, с учебником в руках, мерно, в такт словам, расхаживал взад-вперед по комнате, но через минуту позабыл уже, что говорить нужно нараспев, а вскоре совсем замолчал, не до того стало.

Нельзя сказать, что не любил он стихи, в конце концов, песня — те же стихи, только под музыку. Просто для него, Владика, как, наверное, для любого пацана из класса, поэзия — это то, о чем «русачка» говорит на уроках, требует заучивать

наизусть. И не припомнит Владик, разве совсем уже в детстве, чтобы довелось ему когда-либо читать стихи — для себя, не по заданному. Но эти — под настроение, что ли? — непривычные, нерифмованные, как-то странно, необъяснимо просочились в него, в самую сокровенную, оголенную глубину. Сначала заморозили они вольным, былинным звучанием, потом захватила, затмила все остальное горькая судьба молодого купца. И выходил Владик вместе с ним против отчаянного, дерзкого царева опричника, больно стиснуло, засаднило грудь, когда вдавился в нее медный крест после жестокого удара. И всю силу, всю обиду вложил он в свой — карающий, разящий, «прямо в левый висок со всего плеча»... Да не в добрый час...

И казнили Степана
Калашникова
Смертью лютою,
позорною;
И головушка
бесталанная
Во крови на плаху
покатилась...

Во крови на плаху покатилась... Владик вернулся на диван, притянул к себе Кузю.

— Думаешь, все так у нас и закончилось? Это ж проверочка была, ху из ху! Подумаешь, какой-то Сыч лупоглазый! Представляешь, Кузя, идут они по парку...

Идут они по безлюдному парку, Сыч с Ниной, из больницы возвращаются. Тимоха старается вовсю — рот не закрывает, выламывается. Впечатление, одним словом, производит. Уж такой он смелый, такой он ловкий, такой находчивый — пробы негде ставить. Но почему вдруг запнулся на полуслове, отчего позеленел сразу? Чуть слышимый раньше, глухой и невнятный, нарастает, ширится разноголосый гул. Видны уже сквозь редкие деревья красные кафтаны, мелькают отороченные темным мехом шапки, отблескивают на солнце звонкие секиры, литые копья. Нина испуганно хватают Сыча за руку:

— Опричники!..

— Опричники... — слабым эхом отзывается Тимоха и из зеленого делается фиолетовым. Панически вращает головой, выискивая путь к бегству, но поздно уже, неумолимо сжимается кольцо...

Разухабистый молодой опричник, богаче других одетый, впереди своего улюлюкающего войска выступающий, приближается, бесстыдно выпяливается на задрожавшую Нину. Скалит в улыбке лошадиные зубы, витой сырмятною

плетью поигрывает:

— Славная отроковица... В утешение мне будет. — Переводит взгляд на Тимоху, грозно сдвигает темные брови: — А ты кто таков, сычеглазый?

— Я... я никто... — стучит зубами от страха Сыч. — Я тут случайно... К маменьке ходил... — Падает на колени, умоляюще прижимает к груди трясущиеся руки. — Не губите...

Но вельможный опричник слушать его больше не желает, брезгливо отмахивается и крепко, по-хозяйски, стискивает Нинино плечо:

— Пойдешь в мой терем, молодая боярыня, будешь мне прислуживать, ублажать меня станешь.

— Помогите! — пропавшим голосом шепчет, вырываясь, Нина. Но если б даже и кричала во весь голос, кто услышит ее, кто на помощь придет, кто постоит за нее в гибельную минуту? Уж не Тимоха ли Сычев, на карачках в кусты уползающий? Гогочут жеребцами, слова непристойные говорят хмельные царевы наемники...

И тут, словно из-под земли, вырастает молодой князь. Говорит звучным голосом:

— Не велика честь молодцу с девицами воевать, силушку на них свою выказывать! Отпусти, холоп, ее руку белую, не то об охальстве своем пожалеешь горько! Это я тебе говорю, Владислав Паршин, сын Валериев!

Опричник на него волком смотрит, зубами от ярости скрежещет. Сбрасывает он расписной кафтан длиннополый, плечами широкими поигрывает.

— Молись, — говорит, — богу напоследок, вдругорядь уж не придется!

— Сам молись! — смело отвечает молодой князь и тоже швыряет наземь куртку. Нет, не куртку, конечно, а нарядное княжеское убранство. — Я, между прочим, атеист!

Обступили их опричники тесным кругом, рядом Нина стоит ни жива ни мертва, Тимоха от греха подальше на высокое дерево залез, сверху пялится.

Опричник первым начинает: размахивается далеко, крикает и бьет Владика в грудь, где у Калашникова медный крест висел. Кулак с такой силой летел, что аж свист пошел, от удара могучего деревья окрест содрогнулись. Только выстоял удалой князь, лишь качнулся слегка. А потом сам врезал. Да так врезал, что соперник вверх тормашками полетел, инда сапоги козловые в воздухе мелькнули. Брякнулся лягушкой растопыренной, руки-ноги по всея частям света разбросал. Увидали его холуи такое дело, секиры-пики свои побросали, бросились наутек. Через минуту одну и след простыл. Нина подходит, глядит блестящими глазами, восхищенно

улыбается:

— Владислав, светоч ты мой...

Вот и Сыч с дерева по-обезьяньи слазит, круглыми глазами лупает:

— Ну ты дал, Владька!

Но Владик на них внимания не обращает. Сбрасывает с плеча холодную Нинину руку, улыбается презрительно:

— Счастливо оставаться. Привет маме, операционной сестре!

— Владик! — побежала за ним Нина. — Подожди! Ну нельзя же так! Я ведь просто...

Но он даже не оглянулся...

Кузя дернул ухом, подозрительно уркнул.

— Зря, скажешь, ушел, не простил ее? — посуровел Владик. — Ну и пусть обижается! Со мной, выходит, можно как угодно, будто у меня совсем самолюбия нет, а перед ней на цыпочках ходить прикажешь? Ничего, пусть знает! Тоже мне боярыня!

Но тут препротивная, занозистая мысль кольнула под самое сердце. Где сейчас Тимоха с Ниной? Может быть, до сих пор гуляют себе-разгуливают, расстаться не могут? В кино пошли или еще куда. Тимохину маму заслужить нужно. Владик резко, испугав Кузю, встал, вышел в коридор, снял телефонную трубку, долго вслушивался в длинный, бесстрастный гудок. Нине

он звонил единственный раз в жизни, года два назад, к тому же по поручению Олимпиады Павловны, но номер ее запомнил крепко. Несколько раз плавно вдохнул и выдохнул, убажывая пересохшее горло, снова прокрутил на диске нужные цифры. К телефону долго никто не подходил, наконец ответил приглушенный старческий голос. Решив, что сразу же нажмет на рычаг, если начнет заикаться, Владик тоненько, «под девочку», проскулил:

— Можно Нину?

— Нет ее дома, — сказал дедушка.

Ужасно хотелось спросить, с утра нет, или вернулась из больницы, а затем снова ушла, но знал, что на такую фразу его не хватит, обязательно выдаст себя. Доложит потом внучке, звонил тебе, мол, какой-то заика... Положил трубку, даже не поблагодарил. Зря звонил, все равно ничего не прояснилось. Может, оно и к лучшему. Гуляла Нина с Тимохой, не гуляла — что это для него, Владика, меняет? Расправится с Сычем, как недавно с опричником? Еще какую-нибудь ахиною Кузе наплетет, покуражится? А Нина-то... Возвращалась вдвоем с Тимохой, через парк шли... Сыч хоть и не Кирибеевич, но уж наглец первейший, с такого станется... Его, Владика, мама библиотекой заведует, Нине она ни к чему...

— Ты чего тут на телефон уставился? —

вышла в коридор мама. — Звонка от кого-нибудь ждешь?

— Не жду, — скупое ответил Владик, направляясь к себе.

— Уроки сделал? — спросила вдогонку мама.

— Делаю.

— Приведи себя, кстати, в божеский вид, причешись и рубашку смени, у нас сегодня гости.

Ну вот, этого еще только не хватало. Опять небось Большаковы придут, будут до поздней ночи кричать: Сталин, Горбачев, перестройка... «А вы читали?» «Неужели не читали?» «Кажется, в «Московских новостях» или «Огоньке», точно не припомню»... «Да нет же, Тамара, это в прошлой «Литературке»... И как им не надоест каждый день об одном и том же? Владик в сердцах захлопнул за собой дверь, достал учебник зоологии, и только собрался запеть о типе членистоногих, как вспомнил, что вечером должны показывать кубковый матч. Теперь, с этими «а вы читали», разве посмотришь? Что за день сегодня невезучий? А по зоологии завтра обязательно вызовут, давно не спрашивали...

В девятнадцать часов без одной минуты, когда появилась на экране заставка с футбольным мячом, прозвенел дверной звонок. Владик услышал приветственные возгласы, смех. Мужской голос оказался незнакомым, не большаковским.

Гости вошли в комнату. Женщину и мужчину Владик никогда прежде не видел, как и пацана, пришедшего с ними. Все трое были похожи — темноволосые, темноглазые, поджарые и, как специально, чтобы подчеркнуть сходство, в очках.

Как-то непривычно выглядел отец — очень оживленный, незнакомо подвижный. И говорил без надобности громко. Таким Владик его раньше не видел.

— Вы и сына привели, Борис Борисович! Очень кстати! Будет моему охламону товарищ!

Владик не понял, почему его представили охламоном и, конечно же, удовольствия не испытал. Но сразу догадался, кто к ним пожаловал. Имя Бориса Борисовича в доме произносилось часто — начальник папиного конструкторского бюро.

— Владик, — проворковала мама, — да оторвись ты от этого футбола, познакомься с мальчиком.

— Владислав! — специальным голосом сказал отец.

Он встал, подошел к пацану, сунул ему деревянную руку.

— В-владик.

Тот покраснел, неумело вложил свою ладонь во Владикову:

— Боря.

От удивления Владик забыл выпустить его руку. У них в семье других имен не знают, что ли? И как они, интересно, не путаются, когда, например, мама зовет кого-нибудь из этих Борисов Борисовичей? Может быть, там еще бабушка такой же есть? Взрослые стояли вокруг с умильными улыбками.

— Гол! — закричал комментатор. — Первая же атака динамовцев закончилась взятием ворот!

Владик быстро повернулся к экрану, чтобы посмотреть хоть повтор. Подсаждал, что из-за этих на голову свалившихся гостей такой матч толком поглядеть не может. Гол, особенно в замедленном показе, был красив — после подачи с фланга, головой, на опережение. Перевел взгляд на Борю, заметил, как загорелись у того глаза. Наверняка болельщик. Владик ткнул пальцем в телевизор, вопросительно поднял брови. Боря понял без слов, утвердительно качнул подбородком.

— Та-ак, сейчас будем ужинать, — пропела мама. Владик только сейчас обратил внимание, что она в новом, праздничном платье. — Владик, выключай телевизор, помоги папе раздвинуть стол, у меня уже все готово.

Борина мама выразила настойчивое желание помочь ей на кухне и после недолгого сопротивления добилась успеха. Владик

переглянулся с Борей и, пока мамы не вышли, попросил:

— Можно мы о Борей телевизор в мою комнату перенесем? Хоть первый тайм посмотрим.

Еще сильнее расстроился, что пришлось так много говорить, заикаться при незнакомых людях, папином начальнике.

— А ужинать? — Мама панически расширила глаза, словно он покушался на святая святых.

— Пусть поболеют ребята, — заговорил Борис Борисович. — Боб у меня такой болельщик — поискать! В кого только пошел! У нас никто, вроде бы, этим не страдал. Ни мы им мешать не будем, ни они нам. И зачем телевизор с места на место тягать, на кухне посидим, по-домашнему. Ребята потом подойдут.

От Владика не укрылось, как отец, уже набравший в грудь воздуха, чтобы «навести порядок», вместо этого сочувственно улыбнулся и сказал:

— И то верно, кухня — самое милое место в доме, ваша правда, Борис Борисович. — И предупреждающе глянул на недовольно скривившуюся маму.

Маму, впрочем, нетрудно понять — принимать т а к и х гостей на кухне считала, наверное, чуть ли не оскорблением своих хозяйских прав и достоинств.

Взрослые ушли на кухню, Боря — теперь Владик зная, как они разбираются: младшего в семье зовут Бобом — поставил стул рядом с Владиковым, сел. Оба почему-то смущались, не глядели друг на друга и не обменивались ни словом, даже в самые интересные игровые моменты. Боб нарушил молчание первым!

— За «Динамо» болеешь?

Владик отрицательно мотнул головой.

— А за кого? — подождав немного, сказал Боб.

Владику нравилось «Торпедо», но произносилось оно трудно, выкрутился:

— За автозаводцев.

Боб хмыкнул, явно не одобряя его выбор, но не возразил. Владик, стараясь это сделать незаметно, покосился на него. Если б не очки, ничего парень был бы. Девчонкам такие должна нравиться — чернявенький, смуглый, ресницы мохнатые. И тоже, скорее всего, в седьмом классе учится. Подумал вдруг, что не очень-то гостеприимно ведет себя с ним, все-таки к нему в дом человек пришел.

— Ты в седьмом?

— В восьмом.

Владик сразу же почувствовал к нему расположение — не всякому понятная солидарность маленького с маленьким. Росточком

этот Боб явно не вышел, никогда бы не подумал Владик, что тот на класс старше.

— Ну, скоро вы? — появилась мама. — Сейчас будем пить чай, с тортом.

Владик взглянул на часы:

— Через пять минут придем.

— Так мы вас через пять минут ждем, — сказала мама, а Боб, когда она вышла, усмехнулся:

— Ничего не попишешь, придется подчиниться. Мы же угнетенный, так сказать, класс.

— П-почему? — оторвался от экрана Владик.

— Неужели не ясно? — И заговорил неожиданно пространно, напористо, будто доказывая кому-то что-то. — Мы ж, пока не повзрослеем, почти на сто процентов зависимы. От и до. В школе, дома, где угодно. Живем в мире «нельзя». Того нельзя, этого нельзя. Они лучше нас знают, что хорошо, что плохо, что нам нужно, чего не нужно. Угнетены с первого же года, едва начинаем что-то соображать, чего-то хотеть. И попробуй только выйди из очерченного для нас круга, такое сразу поднимется! Бунт на корабле! Да у нас и шансов-то нет. В первую очередь оттого, что материально зависимы. Счастливое детство!

Ничего нового или оригинального Боб не изрек. Не этими, возможно, книжными словами, но то же самое мог бы, оглядываясь на каждый из

четырнадцать лет своей жизни, сказать и сам Владик. Однако было в Бобовом голосе, в чернящих его глазах, увеличенных стеклами, что-то необычное, немальчишеское. И не зная, зачем оспаривает эту очевидную мысль, Владик хмыкнул:

— Н-ну уж, т-ты скажешь... Угнетенные!

— Разве нет? — не умолкал Боб. — Именно угнетенные. А мне еще больше достается, сам понимаешь.

Но как раз этого Владик не понял. Вспомнил улыбчивых, «интеллигентных» Бобовых родителей, искренне удивился:

— П-почему тебе б-больше?

Боб внимательно, будто запомнить хотел, всмотрелся в него, блекло улыбнулся:

— В самом деле не понимаешь? — Увидел, как вскинул Владик плечами, и медленно, через силу произнес: — Не знаешь разве, как моя фамилия? Отец тебе не говорил?

Теперь Владик вконец запутался: при чем тут фамилия и, тем более, отец? Боб снова, теперь уже как-то виновато, улыбнулся и сказал:

— Шварцман моя фамилия, если не знаешь.

Фамилия, конечно, не подарок, но прояснилось у Владика в голове не очень-то.

— Н-ну и что?

— В самом деле не улавливаешь? —

непритворно поразился Боб. — Шварцман я!
Понимаешь? Шварц-ман!

— Ну и что-о?!

— Мальчики, сколько можно ждать? — вошла в комнату мама. — Давайте быстренько!

Стол выдвинули на середину кухни, но все равно расселись с трудом. Мама, Владик заметил, нервничала, не знала что куда поставить, где повернуться. Остальных, похоже, теснота не смущала. Понравился Владиду Борис Борисович. Рассказывал он всякие байки, вспоминал забавные истории из своего детства. Как-то так получалось, что все время он попадал впросак, влипал в самые проигрышные ситуации. Рассказчик он был великолепный. Давно Владик так не смеялся. И Нина из головы выветрилась, и Сыч позабылся, даже о том, что давно уже второй тайм идет, не вспомнил. Но подумалось вдруг, что Борис Борисович, хоть и оказывается в своих рассказах незадачливым растяпой, почему-то не выглядит нелепо или глупо. Более того, вызывает к себе симпатию, а если и смех, то дружелюбный. Потому, что сам над собой смеется больше всех? Иди оттого, что явно «загибает» немного, преувеличивает? — не может быть, чтобы он, находчивый и умный, даже в детстве был таким нескладехой. И еще одна мысль, неудобная, колючая: он-то, Владик, п р и д у м ы в а я,